

UKRAINIAN INTELLECTUALS AND
CLERGY OF TRANS-CARPATHIA
AS OBJECTS OF THE MAGARIZATION
POLICY IN THE LATE XIX –
EARLY XX CENTURY

R. Mayor, Post-graduate
Kamyanets-Podolsky National University named
after I. Ogienko, Ukraine

The article represents the process of Magyarization of Ukrainian intelligentsia and clergy of Transcarpathia in the late 19th – early 20th century. Results of its implementation by the Hungarian authorities are reflected. Attention is focused on the negative influence of the assimilation of Ukrainian nation on the development of national movement in the region.

Keywords: intelligentsia, clergy, Ukrainian nation, Ruthenians, Magarization, Transcarpathia.

Conference participant, National championship
in scientific analytics

УКРАИНСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
И ДУХОВЕНСТВО ЗАКАРПАТЬЯ
КАК ОБЪЕКТ ПОЛИТИКИ
МАДЬЯРИЗАЦИИ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Майор Р.И., аспирант
Каменец-Подольский национальный университет
им. И. Огиенка, Украина

В статье отражен процесс мадьяризации украинской интеллигенции и духовенства Закарпатья во второй половине XIX – начале XX в. Отображены результаты ее осуществления венгерскими властями. Акцентируется внимание на негативном влиянии ассимиляции украинцев для развития национального движения в крае.

Ключевые слова: интеллигенция, духовенство, украинцы, русины, мадьяризация, Закарпатье.

Участник конференции, Национального первенства
по научной аналитике

Во второй половине XIX – начале XX в. венгерские власти осуществляли политику мадьяризации невенгерских национальностей, проживавших на территории Венгрии. Ее суть заключалась в том, чтобы стереть национальные особенности украинцев, словаков, сербов и других народов: их национальную идентичность и самосознание, культуру, язык, религию, историю, и навязать им собственные венгерские национальные элементы. В конечном счете ассимиляции украинцев, как и других национальных меньшинств, мала привести к формированию единой венгерской политической нации и способствовать укреплению национально-политической мощи мадьяр в Габсбургской монархии.

Поднятая автором проблема еще не была предметом отдельного исследования в украинской и зарубежной историографии. Только небольшая часть ученых изучала ее отдельные аспекты в контексте исследования более обширных исторических процессов: И. Жегуц [29], М. Майер [26], Н. Макаренко [12], С. Пап [14], А. Пекарь [15, с. 96-112], Р.У. Сетон-Уотсон (псевдоним Scotus Viator) [28], П. Смиян [19], Г. Стрипский [20], Р. Фатула [22], В. Шандор [23] и др. Указанные авторы в своих работах лишь в общих чертах отразили отдельные аспекты мадьяризации украинского духовенства и интеллигенции. Учитывая это, а также важность выяснения сущности поднятой автором

проблемы, как составной части более широкой проблемы – политики мадьяризации в Закарпатье, и возникает необходимость её комплексного изучения.

Цель этого исследования заключается в том, чтобы выяснить влияние политики мадьяризации на украинскую интеллигенцию и духовенство, определить комплекс причин, степень и масштабы их ассимиляции с венграми, раскрыть последствия их денационализации для развития украинского национального движения в крае.

Ассимиляция национальных меньшинств была лейтмотивом деятельности венгерского правительства в области национальной (внутренней) политики [12, с. 176]. Основными сферами осуществления политики мадьяризации были образовательная, церковно-религиозная, языковая, культурная и др. В конце концов осуществления данной политики в указанных областях должно было привести к максимальной ассимиляции украинцев – основного объекта мадьяризации. При этом отметим, что процесс денационализации украинского населения неодинаково отразился на разных социальных группах: он больше коснулся духовенства и интеллигенции, а меньше всего – крестьян. По нашему мнению, это было обусловлено следующими факторами: во-первых, в отличие от крестьян, духовенство и интеллигенция могла получить от ассимиляции с титульной нацией, без учета ее фиктивности или искренности,

конкретные материальные или иные выгоды; во-вторых, светская и духовная интеллигенция была гораздо ближе к венгерской социокультурной среде, чем крестьянство, в результате чего она произвольно или намеренно принимала и усваивала венгерские атрибуты и ценности – язык, религию, культуру, национальную идентичность и др.; в-третьих, существенное влияние на ускорение денационализации клира и людей занятых умственным трудом были такие социально-психологические факторы как психологическая потребность человека быть аффилированным (принятым в сообщество и признанным им) с венгерским социумом и комплекс неполноценности, характерный для интеллигенции и духовенства, который, однако, и сам во многом был следствием политики мадьяризации, что, в свою очередь, говорит о взаимообусловленности и взаимовлияния указанных процессов. Учитывая перечисленные и некоторые другие факторы большая часть духовенства и интеллигенции, как правило, разговаривала на венгерском языке, на нем же велась частная и официальная переписка, читала почти в основном венгерские газеты и книги, а украинский язык употребляла только во время разговора с крестьянами. Народный разговорный язык они считали некультурным, стеснялись как его, так и родного народа [13, 18, 10, 2, 8, 7, 4, 9, с. 4-6, 3, с. 276, 1, с. 54]. По разным причинам отрекались не только родного языка, но и

родной национальной идентичности, признавали себя представителями венгерской нации [6, с. 536, 21, с. 102, 14, с. 436]. Отступничество и беспринципность части духовенства отчетливо иллюстрирует позиция священника с. Лаборцы, который заявлял: «Я Русин только в церкви, а выйдя из церкви – Мадыр» [11].

В начале 1860-х гг. А. Духнович с сожалением отмечал что украинскому чиновничеству «руская (украинская – автор) народность невозможна. Ему русское слово гадкое, он стесняется русского. Сущий между мадырами, он уже мондокает, ища тем склонности в чужих... Так истинно есть мое слово: русин (венгерский) чем-либо будет только не русином» [6, с. 259]. По словам В. Охримовича, на середину 1890-х гг. закарпатская интеллигенция уже была «полностью мадыризована и отчуждена от простого народа» [13]. В то же время ведущие галицкие деятели: И. Франко, М. Павлик, Ю. Романчук и др. во время празднования венграми тысячелетия своего государства 1896 г., опубликовали протест в форме брошюры под названием «И мы в Европе», где была дана острая критическая оценка закарпатской светской интеллигенции, особенно сельских учителей: «С очень малыми выемками эта интеллигенция, – отмечалось в «Протесте», – насквозь мадыризована, стесняется русского языка, отказывается родного народа. Мадыризация делает их не только оборотнями и врагами собственного народа, но в то же время деградировала их морально, сделала их сибаритами, подлыми, прислужниками господскими, погасила в их душах всякое идеальное соревнование, всякое нравственное чувство» [9, с. 5]. На тотальную мадыризацию закарпатской интеллигенции на страницах львовского журнала «Жизнь и слово» указывал и В. Гнатюк. Ученый, кроме того, отмечал, что такая степень мадыризации характерна для интеллигенции несмотря на то, что она еще «имеет какое-то смутное чувство рускости» [1, с. 61]. В свою очередь известный закарпатский деятель, ученый, член Научного общества имени Шевченка Г. Стрипский в начале XX в. с иронией подчеркивал, что «за

руснацкую интеллигенцию не надо бояться. Она на сегодняшний день настолько венгерская, что из нее уже никогда не будет, если бы она того и хотела – ни руснацкая, ни москальская» [20, с. 272]. Политика мадыризации и беспринципность интеллигенции привели к тому, что накануне Первой мировой войны «число явных интеллигентных русинов, – как отмечал А. Штефан, – приближалось к нулю» [24, с. 26].

Об успехах мадыризации постоянно свидетельствовали данные официальной статистики, по которой в шести украинских комитетах в 1910 г. с 508 греко-католических священников русинами себя называли только 72, а с 831 учителей народных школ – всего 97. Однако здесь существует ряд «но». По мнению В. Шандора, в данном случае формальное признание венгерской национальной идентичности позволяло им сохранить свои должности и иметь средства к существованию [23, с. 97]. А историк П. Смиян подчеркивал, что только отказ от своей народности и «патриотическая» деятельность, как правило, давали возможность получить образование, занимать высокие должности и продвигаться по службе [19, с. 67]. В связи с этим не всегда следует делать выводы на основе таких статистических данных, потому что они, во-первых, не всегда отражали реальную позицию опрошенных, которые часто самостоятельно и сознательно говорили то, что хотела услышать власть; а, во-вторых, часто статистика служила политике мадыризации и была, как правило, далека от объективной социологии.

Фактически политика мадыризации нанесла основной удар по наиболее образованному слою населения – духовенству и интеллигенции, то есть той социальной группе, которая в XIX – начале XX в. выполняла в Закарпатье роль украинской элиты. А уничтожая ее, власть лишала украинский народ национальных лидеров, тех, благодаря которым происходил национальный прогресс, тех, которые должны были выполнять роль национального политического представителя украинцев. Это имело крайне негативные последствия для развития

украинского национального движения и вело к деформации социальной структуры украинского общества. Более того, отрехшись от родного языка, национальности и полностью мадыризовавшись, духовенство и интеллигенция в руках венгерской власти становились удобным инструментом ассимиляции наиболее многочисленного слоя населения – крестьян. Трагедия заключалась еще и в том, что для мадыризации крестьян они часто прилагали больше усилий чем сами венгры, чем пытались выслужиться перед последними и показать им тем самым свою преданность.

Такое отношение денационализованной части духовенства и интеллигенции (относительно них употреблялся термин «мадыроны») к родному народу остро критиковали А. Духнович [5, с. 369], М. Драгоманов [3, с. 278-279] и другие общественные деятели. А. Духнович, в частности, в своем дневнике показывал их равнодушие к собственному национальному бытию, обличал ренегатство, продажность и беспринципность тогдашней интеллигенции, прежде всего священников, которых не раз называл «лупезниками». С горечью и сарказмом, а заодно с отвращением, отмечал, как в решающий исторический момент мукачевские и ужгородские русины в условиях огромного ассимиляционного давления провозглашали, что с мадырами они, мол, создают один неделимый народ, со своими угнетателями они «жить и умереть хотят», и не желают для себя никакой «народной автономии» [6, с. 536]. Описывая борьбу словаков против венгерского гнета, будитель подчеркивал пассивность украинцев в отстаивании своих национальных прав: «А русины молчат и сильно мадыризируются!» [5, с. 365]. Но это было только полбеды. По словам А. Духновича, «...Наступила борьба русинов против русинов! Мадыризованные русины подобно дьяволом адским становятся против русинов, их уничтожить желают, т.е. мадыризовать, и стереть в Венгрии русское племя...» [5, с. 369]. Продажность и беспринципность части духовенства отчетливо иллюстрирует позиция

епископа С. Панковича, который во время частной беседы с писателем прославского направления И. Сильваем заявил следующее: «Если мы (русины Закарпаття – автор) живем теперь под властью венгров, то мы должны стать мадярами; если станут господствовать немцы, то будем немцами...» [21, с. 102]. Ужгородская газета «Листок», характеризующая эту проблему, в 1894 г. писала: «Смешно, как стараются (закарпатцы – автор) скрыть свое русское происхождение и хотят себя указать действительными мадярами... а мадяры от рождения их высмеивают...» [14, с. 436]. Такая интеллигенция не занималась распространением образования среди населения народным разговорным языком, пропагандой украинской национальной идеи, идеи единства украинской нации и украинских земель и др. Она не формировала те основы своей идеологии и практической деятельности, на которых стояло народное движение в Галиции и Буковине, украинское национальное движение на территории Великої України.

Но несмотря на то, что большая часть духовенства и интеллигенции была мадяризирована, это ни в коем случае не означало сплошную ассимиляцию украинского общества с венгерским. Ведь проведение политики тотальной мадяризации вызвало протест со стороны украинского населения, главным образом крестьян и небольшой части интеллигенции и духовенства. Закарпатские будители в основном литературно-просветительскими средствами пытались противодействовать венгерской национальной и языковой экспансии, сохранить идентичность и самодостаточность местного населения [12, с. 182]. В частности А. Духнович, как подчеркнул историк С. Пап, писал стихи для того, чтобы поэзией «вливать в душу народа чувство патриотизма» [14, с. 315]. Его стихотворение «Я русин был, есть и буду» – яркий пример такой патриотической поэзии: в нем звучит протест против мадяризации, призыв к пробуждению национального сознания. Это стихотворение стало гимном для украинцев Закарпаття. Его знало наизусть почти все население: дети, молодежь, старшее поколение. На Пряшевщине еще в

1918-1939 гг. во многих селах после литургии в воскресенье и праздники пели гимн: «Я русин был, есть и буду!» [14, с. 318].

На политической арене права украинцев отстаивал А. Добрянский. Он разработал немало политических проектов [16, 27], целью которых было обеспечение национально-культурной и политической автономии для украинских земель в Габсбургской монархии, защищал права закарпатцев в венгерском парламенте [25 с. 3; 17, с. 11-12]. Однако его деятельность на этом поприще, к сожалению, довольно редко давала желаемые результаты. Такой ход событий был лишним подтверждением того, что насколько бы талантливым или гениальным не была та или иная личность, политический деятель, национальный лидер, самостоятельно преодолеть государственный режим, основанный на шовинизме, невозможно.

Но вопреки стремлениям венгров создать единую политическую мадярскую нацию, ассимилировав все национальные меньшинства в Венгрии, эта идея в целом провалилась, хотя и имела отдельные, фрагментарные успехи. Несмотря на жесткую мадяризацию, большинство украинцев сохранило свою национальную, религиозную, языковую идентичность, свой национальный характер. Результат политики ассимиляции украинцев больше всего сказался на духовенстве и интеллигенции. Ведь, в отличие от крестьян, которые представляли самый большой по численности социальную группу, практически вся украинская интеллигенция Закарпаття в начале XX в. была мадяризирована. Уничтожая элиту украинского общества венгерские власти лишали закарпатцев национальных лидеров, лидеров национального движения, которые из пассивных объектов мадяризации становились ее активными субъектами и иногда прилагали больше усилия для мадяризации украинцев, чем сами венгры.

References:

1. Гнатюк В. Угроруська мізерія // Житє і слово. – Львів. – 1897. – Т. 6. Кн. 1. – С. 46-62.

2. Дещо з угорської Русі // Буковина. – Чернівці. – 1897. – Ч. 30.

3. Драгоманов М. Австро-руські спомини (1867-1877 рр.) // Літературно-публіцистичні праці. – Том 2. – Київ: Наукова думка, 1970. – С. 151-288.

4. Духнович О. Лист до Я. Головацького. Пряшов, 25 травня (6 червня) 1853 р. // Кореспонденція Якова Головацького в літах 1850-1862. Видав Др. Кирило Студинський. – Львів: Наукове Товариство ім. Шевченка, 1905. – С. 74-75.

5. Записка Александра Духновича 1858 // Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. – 1998. – № 21. – С. 313-394.

6. Записка Александра Духновича. Огь года 1861 // Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. – 1995. – № 20. – С. 528-642.

7. Изъ записокъ русскаго туриста // Слово. – Львовъ. – 1885. – Ч. 119.

8. Изъ Угорской Руси // Слово. – Львовъ. – 1865. – Ч. 63.

9. І ми в Європі. Протест галицьких Русинів проти мадярського тисячоліття. Львів. 1896 // Житє і слово. – Львів. – 1896. – Т. 5. Кн. 1. – С. 2-9.

10. І. С. З угорської України // Вістник Союзу визволення України. – Відень. – 1915. – Ч. 59-60.

11. К. Изъ Угорской Руси // Слово. – Львовъ. – 1862. – Ч. 3.

12. Макаренко Н. Закарпаття під тиском мадяризації: 1867-1914 рр. / Н. Макаренко // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса НАН України. – К., 2008. – Вип. 37. – С. 176-187.

13. Охримович В. Вржнія з Угорської Русі // Народ. – Львів. – 1895. – №6.

14. Пап С. Історія Закарпаття / О. Степан Пап: Том III. – Івано-Франківськ: Нова Зоря, 2003. – 648 с.

15. Пекар А. Нариси історії церкви Закарпаття. Том I. Єрархічне оформлення / Атанасій В. Пекар. – Рим: О.О. Василіяни, 1967. – 241 с.

16. Проект политической программы для Руси австрийской. – Львовъ, Ставропигійський институт, 1871. – 44 с.

17. Промова Адольфа Добжанського (Добрянського) під час загального обговорення проекту закону про

національності. 25 листопада 1868 р. // До історії національних меншин Австро-Угорщини (XIX – поч. XX ст.) / Упорядкування Кобаля Й.В.; передм. Худанича В.І. – Ужгород: Карпати-Гражда, 2001. – С. 11-12.

18. Пропащі Русини угорські. II. // Буковина. – Чернівці. – 1895. – Ч. 39.

19. Сміян П.К. Революційний та національно-визвольний рух на Закарпатті кінця XIX – початку XX ст. / П.К.Сміян. – Л.: Вид-во Львівського університету, 1968. – 208 с.

20. Стрипський Г. Москвофілізм, українізм і вітчизняні руснаки / Гіядор Стрипський // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Історія / Ужгород. націон. ун-т. – Випуск 20. – Ужгород: Вид-во УжНУ «Говерла»,

2008. – С. 264-273.

21. Уріиль Метеоръ (И. А. Сильвай). Автобіографія. – Ужгород: Школьная Помощь, 1938. – 131 с.

22. Фатула Р. С. Мадьяризація освіти на Закарпатті в кінці XIX – на початку XX століть / Р.С. Фатула // Грані. – Д.: Дніпропетровський нац. ун-т, Центр соц.-політ. досліджень, 2011, №4. – С. 162-164.

23. Шандор В. Закарпаття. Історично-правовий нарис від IX ст. до 1920 / Вікентій Шандор. – Нью-Йорк: Карпатський Союз, 1992. – 292 с.

24. Штефан А. За правду і волю: Спомини і дещо з історії Карпатської України від давніх давен до 1927 / Августин Штефан. – Кн. 2. – Торонто: Пробоєм, 1981. – 384 с.

25. Dobrzanszky Adolf. Képvisele

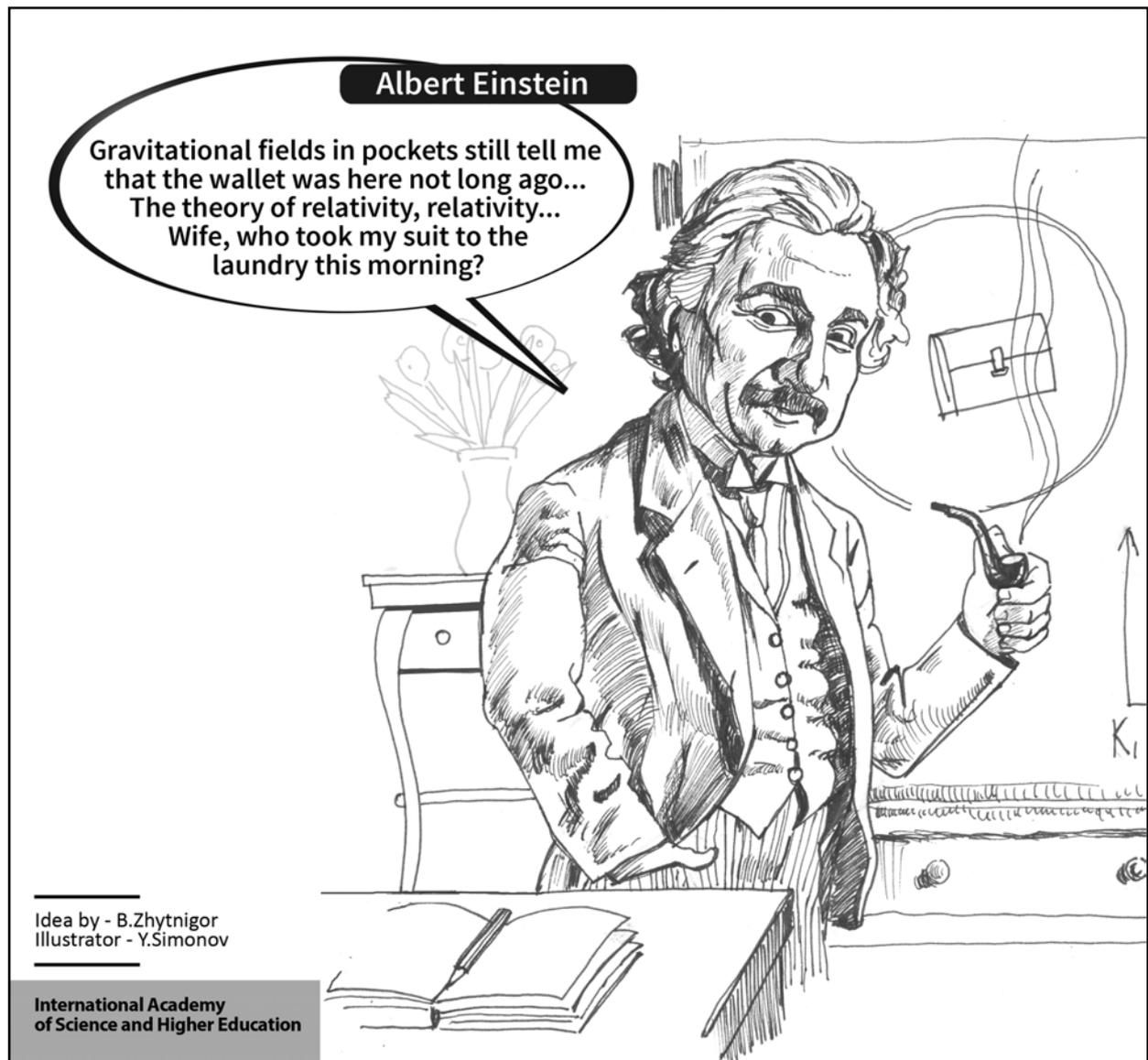
urnak az alsóház 1868-diki october ho 19-kén tartott I. Beszéde. Pest, Nyomatott Kunosy es Rethynel. 1868. – 7 oldal.

26. Mayer M. Kárpátukrán (ruszin) politikai és társadalmi törekvések: 1860-1910 / Mária Mayer. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1977. – 255 p.

27. Programm zur Durchführung der nationalen Autonomie in Österreich (Fon einem Slaven). – Wien, Verlag des «Parlamentär», 1885. – 167 s.

28. Scotus Viator. Racial problems in Hungary / Scotus Viator [R. W. Seton-Watson]. – London: Archibald Constable & Co. Ltd, 1908. – 546 p.

29. Žeguc I. Die nationalpolitischen Bestrebungen der Karpato-Ruthenen 1848-1914 / Žeguc Ivan. – Wiesbaden: Harrassowitz, 1965. – 145 S.

Idea by - B.Zhytnigor
Illustrator - Y.Simonov

International Academy
of Science and Higher Education